

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ)

Абстракт. Понятие глобализации в философских и общественных науках на рубеже XIX и XX веков рассматривалось как гибридизация, гетерогенизация, транскультурализм, то есть взаимообогащение различных культур. Позднее стала превалировать версия о навязывании западных образцов культуры, либо же американизации. Если соединить данные версии, можно говорить о воплощении идей мультикультурализма в эрзац-культуру массового потребления. При этом все более заметны тенденции размывания национальной культуры, замена ее второсортным коммерческим продуктом. Ответом глобализации стало открытое сопротивление в форме фундаментализма, возрождения ортодоксальных верований, отказа от достижений цивилизации.

В статье последовательно рассматриваются современные концепции и подходы к определению места национальной культуры в современном мире. Разница подходов формирует постановку вопроса. Является ли национальная культура условным конструктом, сформированным в имперский период существования Европы? Не является ли проблема противостояния глобализации и национальной культуры надуманной, условной? Стоит ли считать глобализацию американизмом?

Отдельно рассматривается роль массовой культуры в тоталитарном обществе, ее парадоксальной природе. Ведь сам термин „тоталитаризм“ содержит указание на некое глобальное обобщение. Таким образом, говоря о культуре тоталитаризма, говорим о массовой культуре, растущей с другого корня, где движущей силой является не коммерческая прибыль, но идеология. С учетом того, что движущей силой является коммунистическая идеология, получаем мир с парадоксальными законами развития массовой культуры. Массовая культура, не обеспечивающая потребности масс с примитивизацией форм искусства.

Также рассматриваются существующие практики взаимодействия национальной культуры и глобализации: японский, практикующий симбиоз продуктов глобализации и национальной культуры, и французский – путь, открытого сопротивления, который рассматривает глобализацию с позиций американизма, и пытается создать противовес путем популяризации национальной культуры.

Исходя из выше сказанного, главная идея национального образования – это поиск путей к равновесию между требованиями времени и национальной памятью, преобразование продуктов массовой культуры, преодоление ее вторичности.

Ключевые слова: массовая культура, глобализация, вторичность, национальное образование, коммерция

Понятие глобализации в философских и общественных науках на рубеже XIX и XX веков рассматривалось как гибридизация, гетерогенизация, транскультурализм, то есть взаимообогащение различных культур. Позднее стала превалировать версия о навязывании западных образцов культуры, либо же американизации. Если соединить данные версии, можно говорить о воплощении идей мультикультурализма в эрзац-культуру массового потребления. При этом все более заметны тенденции размывания национальной культуры, замена ее второсортным коммерческим продуктом. Ответом глобализации стало открытое сопротивление в форме фундаментализма, возрождения ортодоксальных верований, отказа от достижений цивилизации. Исходя из выше сказанного, главная идея национального образования – это поиск путей к равновесию между требованиями времени и национальной памятью, преобразование продуктов массовой культуры, преодоление ее вторичности.

В данное время существует множество концепций взаимоотношения глобализации и культурной идентичности. Большой простор для изысканий представляет территория бывшего Советского Союза, которая вследствие наличия „железного занавеса“ довольно поздно вступила в русло общего глобализационного процесса, и где явление глобализации носит несколько специфический характер.

Говоря о продуктах глобализации, не следует забывать о явлении тоталитаризма. Ведь сам термин „тоталитаризм“ содержит указание на некое глобальное обобщение. Таким образом, говоря о культуре тоталитаризма, говорим о массовой культуре, растущей с другого корня, где движущей силой является не коммерческая прибыль, но идеология. С учетом того, что движущей силой является коммунистическая идеология, получаем мир с парадоксальными законами развития массовой культуры. Массовая культура, не обеспечивающая потребности масс. В качестве примера можно привести недоступную роскошь советской бытовой техники, которая только в шестидесятых приходит к потребителю. Также тоталитаризму характерны и общие с западной массовой культурой признаки – это примитивизация форм искусства.

К парадоксам тоталитаризма можно отнести и явление культуры „вопреки“. Именно советская цензура, коренное несоответствие действительности и официальной точки зрения, как ни парадоксально, дало толчок к творчеству. Положение „винтик в системе“, творец, загнанный в рамки идеологии, с одной стороны, более плачевно, чем диктат коммерческой прибыли в западной культуре. Ведь положенные идеологией рамки исключают сам акт творчества, нагора выдавая мертворожденные продукты. Здесь примерами могут послужить поэзия русского автора Осипа Мандельштама, либо же талантливого украинского поэта Павла Тычины. Их творчество очень характерно распадается на две части – сильные и качественные произведения до вмешательства системы и безликие, заказные вещи после. В литературной жизни Советского Союза это судьба многих.

С другой стороны, пиковое напряжение сил творца, яркие, сильнейшие темы, выписанные эпохой, внутреннее сопротивление человека мыслящего по-

рождают мировые шедевры (критическое и смелое творчество Михаила Булгакова, антивоенные произведения Э. Ремарка). В украинской литературе стоит назвать Миколу Хвильового, очень показательного украинского прозаика, который в произведении „Я – романтика“ мастерски демонстрирует трагедию личности, выбирающей между благом человечества и самой человечностью.

С моментом распада Советского Союза начинается бурный рост в самых разнообразных направлениях искусства. Однако количественно-качественного перехода не наблюдается. Разбрасывание сил, а возможно несовпадение систем. Безусловно, данный период совпадает по времени с общим кризисом постмодернизма, но знак равенства между ними ставить не стоит.

Что еще можно выделить в глобализованном обществе советской действительности? Особый интерес представляет национальная политика, а фактически – намерение сплавить народы в одну советскую общность, методом распространения интернациональных идей, и подмены понятий. При этом сугубо национальные проявления гасятся как идеологически опасный „буржуазный национализм“, а взамен оставляем идеологически безопасную атрибутику, форму без содержания – национальные костюмы, потерявшие свое утилитарное значение, национальные песни выхолощенного, общего содержания (темы – любовь, богатство и бедность, эстетика), национальные инструменты, вышедшие из обихода. Все, что призвано символизировать национальную культуру, априори архаично, и в лучшем случае выполняет роль пикантной специи. Здесь советская культура, преследуя совершенно другие цели, неожиданно соприкасается со своим западным аналогом. Против национальной культуры при помощи подмены понятий осознанной (Советский Союз), неосознанной (Запад) борются ее же оружием – на традиционность вешается ярлык архаичности, символика превращается в атрибутику.

Отсюда получаем самую глобальную проблему национальной культуры на сегодняшний день – превращение ее в форму без содержания. Если культура – это мир воплощенных ценностей, то национальная культура в глобализованном мире ценностью быть перестает.

Существует множество концепций выхода из сложившегося положения, как на постсоветском, так и общемировом пространстве, но панацеи так и не найдено.

Так, заслуживает внимания позиция Эрмиле Месхиа, доктора исторических наук Батумского государственного университета искусств. Он утверждает, что исторические прецеденты глобализации можно искать в эпохе противостояний империалистических государств второй половины XIX века. Хотя ранние формы глобализации существовали и в древнем мире. Примером этого являются эллинистическая эпоха, Римская империя, Династия ханов и др. В период правления последних началось строительство „Шелкового пути“. Можно также вспомнить „Золотой век Ислама“, когда торговцы-мусульмане произвели глобализацию продукции и знаний. А в монгольской империи „Шелковый путь“ приобрел величайшее значение. Глобализация заменяет культуру двумя фундаментальными путями. Многие исследователи считают, что культурная

глобализация – явление, равноценное американизации. Факт, что медиа США, и, особенно, телевидение, оказывает огромное влияние на общество. Развился также интернет, в котором доминируют английский язык и американские порталы. Несмотря на это, следует отметить, что наряду со США, в культурной глобализации велика роль Западной Европы (Эрмиле Месхиа, 2011).

Иные концепции полагают проблему взаимоотношения национальной культуры и глобализации как проблему смены подхода к самому определению „национальное государство“, и главное – может ли государство быть „национальным“?

Рассмотрим позицию Эрика Хобсбаума, который берет за основу взаимоотношения языков. Хобсбаум утверждает, что достижение национальной языковой однородности в многоэтничных и многоязычных областях можно достичь только путем массового принуждения, изгнания или геноцида. Так, к примеру Польша, имевшая в 1939 году треть непольского населения, сегодня почти полностью населена поляками, но только потому, что немцы были изгнаны из нее на запад, литовцы, белорусы и украинцы — отделены, чтобы войти в состав СССР на востоке, а евреи — истреблены. Природная же гомогенизация невозможна в сегодняшнем мире массовой трудовой миграции, массовых переселений, массовых путешествий и массовой урбанизации. Единственный вариант – создание общества апартеида. Отсюда следует, что единство языка, либо же привилегированное использование какого-либо языка в качестве единственного языка обучения и культуры в стране связано с политическими и идеологическими или, в лучшем случае, прагматическими соображениями. Новые же языки, пиджины, созданные на основе местных диалектов перестают быть общеупотребительными языками определенного региона, а превращаются в социальный конструкт. Вторым концептом теории Хобсбаума является то, что современное человечество более не живет исключительно в культуре чтения и письма. Во-вторых, современное человечество живет в мире, где идея единого всеобщего национального языка вообще не выполнима, то есть мы живем в неизбежно многоязычном мире. И, в-третьих, мы живем в эпоху, когда, по крайней мере в настоящее время, существует только один язык всеобщего глобального общения, а именно — определенная разновидность английского. Виной тому развитие теле-радиокоммуникаций. С другой стороны, с появлением радио даже небольшим языкам и диалектам стало проще выживать, поскольку даже скромного населения достаточно, чтобы оправдать программу местного радио. Таким образом, языки меньшинств можно поддерживать без серьезных затрат. Однако в то же время под влиянием более крупного языка через средства массовой информации языковая ассимиляция может ускориться (Эрик Хобсбаум, 2005, с.6).

Все это приводит или приведет к резкому изменению соотношения между языками в многонациональных обществах. Целью всех языков, стремившихся в прошлом обрести статус национальных и стать основой национального образования и культуры, было превращение во всеобъемлющие языки на всех уровнях, равноценные языкам крупных культур. И в особенности, конечно, доминиру-

юшему языку, вопреки которому они пытались утвердиться. Таким образом, в Финляндии финский должен был заменить во всех отношениях шведский, а в Бельгии фламандский заменить французский (Эрик Хобсбаум, 2005, с.8).

На деле же теперь об этом говорить уже не приходится, хотя национализм малых наций пытается оказывать сопротивление этой тенденции. Языки вновь заняли свои места и стали использоваться в различных обстоятельствах с различными целями. Поэтому они не должны быть взаимозаменяемыми.

Для более сложных задач студентам придется выучить международный язык, чтобы читать научную литературу, и, вероятно, им также придется выучить определенную разновидность английского, ставшего для сегодняшних интеллектуалов тем, чем была латынь в средневековье.

В нашем распоряжении сегодня имеются не равноценные, а взаимодополняющие языки, независимо от наличия или отсутствия у них официального статуса. Латынь средневековых священников имела мало общего с латынью Вергилия и Цицерона. Они могут становиться или не становиться официальными языками в странах, которые нуждаются в языке для общения широких слоев населения, но когда они становятся такими языками, они должны избегать превращения в монопольные языки культуры (Эрик Хобсбаум, 2005, с.9).

В заключение автор делает несколько замечаний относительно того, что можно назвать чисто политическими языками, то есть языками, специально созданными в качестве символов националистических или регионалистских устремлений и сепаратистских или сецессионистских замыслов. Никаких оснований для их существования нет. Последним по мнению Э. Хобсбаума, примером является попытка воссоздания корнуоллского языка, который исчез в середине XVIII века, не имеющая никакой иной цели, кроме отделения Корнуолла от Англии. Такие сконструированные языки могут добиваться успехов, подобно ивриту в Израиле, то есть они могут превращаться в действительно разговорные и живые языки, или терпеть провал, подобно попытке националистических поэтов в межвоенную эпоху превратить диалект южной части Шотландии в литературный язык („лалланс“), но ни общение, ни культура не были предметом таких опытов (Эрик Хобсбаум, 2005, с.10). Таковы крайние проявления, но все языки содержат в себе элементы подобного политического самоутверждения, поскольку в эпоху национального или регионального сецессионизма естественно существование тенденции к дополнению политической независимости языковым сепаратизмом.

Таким образом, исследователям стоит подходить с той точки зрения, что языковой пуризм лишен национальной основы, действительной же базой всех языковых манипуляций является политика, а не культура. Чешский языковой пуризм был направлен главным образом на устранение немецких элементов, но массовые заимствования из французского или латыни никаких возражений не вызывали (Эрик Хобсбаум, 2005, с.10). Язык как контраргумент, способ противопоставления. Русины определяют свои «нацию» и „язык“ не вообще, а именно через противопоставление украинцам. Каталонский национализм направлен исключительно против Испании, точно так же, как валлийский языковой национализм направлен исключительно против английского языка.

Новым элементом политического создания языков Хобсбаум считает систематическую регионализацию государств, ассимилировавших регионы, которые не имели особых языковых, этнических или иных черт, на потенциально сепаратистские регионы. Подводя итоги, можно заключить, что язык (по Хобсбауму) в известной мере вынесен за пределы национальной культуры. Так ли это? В истории известно немало примеров манипуляций с языком и имперская политика, естественно, сыграла здесь не последнюю роль. В данном случае следует указать не только на практику насаждения общего для империи, глобализированного языка, но и на прямое затирание, а порой и ярко выраженное преследование исторически сложившегося языка той или иной колонии). Безусловно, в данном случае имперская политика действует, исходя из прямого допущения об интегративной функции языка и литературы. Следовательно, здесь речь не идет о политической манипуляции – мы имеем дело с функциональным культурным элементом.

В свою очередь А. Гусейнов подходит с той точки зрения, что не только концепт, но и сам феномен «национальной культуры» как знаково-символической системы, разделяемой всеми жителями определенной территории возник относительно недавно (Абдусалам Гусейнов, 2010, с. 2). Он является был продуктом эпохи модерн, результирующей „национализации“, которую культурное пространство Европы претерпело во второй половине XIX ст. Таким образом модерновое государство полагает себя государством национальным, т.е. как политическое единство, имеющее источником своей суверенности „нацию“. Последняя воображается не в качестве простой совокупности индивидов под одной юрисдикцией, но как культурное единство. Иными словами, национальное государство предполагает совпадение политических и культурных границ. В этом совпадении – точнее, в стремлении к такому совпадению – принципиальное отличие современного государства от государства до-модернового периода. В досовременных государствах население столь строго иерархизировано (сословная стратификация), что его низшие и высшие слои принадлежат разным культурам. Аристократическая и дворянская культура, с одной стороны, и культура крестьянских масс – с другой, вообще не соприкасаются друг с другом на уровне повседневных практик и лишь спорадически встречаются на символическом уровне (Абдусалам Гусейнов, 2010, с. 3). Таким образом унификация, глобализация быта, привычек, кухни не является исключительным продуктом промышленного переворота, возможно, линию деления следует провести раньше? Дворянская культура в значительной мере существует поверх государственных границ, тогда как культура крестьян часто оказывается локализованной в рамках той или иной провинции. Современное государство по умолчанию считается национальным государством (или нацией-государством) потому, что его структурным и функциональным императивом является единое коммуникационное пространство и однородное пространство управления. Но такая однородность недостижима. Возможность их встречи обеспечивается только символами конфессии и династии (Абдусалам Гусейнов, 2010, с. 3).

Автор следующей концепции, Майкл Хектер, разрабатывал свою теорию на британском материале. Его вывод дает пищу к размышлениям: если государство преуспело в своих усилиях по гомогенизации населения, то его называют национальным государством, если нет – его называют империей. Не будет преувеличением утверждать, что современное (модерновое) государство выступало условием возможности национальной культуры (Hechter M., 1975, p.25). Автор рассматривает также механизмы воспроизводства культуры как национальной. Это печатный станок, обеспечивающий циркуляцию на всей контролируемой государством территории книг, газет и других печатных материалов; последние позволяют максимально широко распространять ту систему образов, которая рассматривается властями как выражение своего рода „национального канона“ и, напротив, маргинализировать те образы, которые в этот канон не вписываются; система всеобщего среднего образования, которая необходима для интернализации всеми членами общества одних и тех же нормативных представлений; университет или сеть высших учебных заведений, благодаря которым происходит воспроизводство культурных элит, а также работников сферы образования и просвещения; средства массовой информации. Строго говоря, уже пресса, массовое распространение которой началось в XIX в., представляла собой средство массовой информации. В XX в. к прессе добавились сначала радио, потом телевидение (Hechter M., 1975, p.27).

Прогресс информационных технологий поначалу благотворно сказался на влиянии государства как агента в сфере культурного производства и распределения. Радио и телевидение облегчили государству его работу по культурной гомогенизации населения. Однако новые информационные технологии вооружили не только государство. Культурные меньшинства получили новые возможности отстаивания своей самобытности (Hechter M., 1975, p.27).

Таким образом, в концепциях вышеупомянутых исследователей национальная культура является конструктом, созданным в эпоху империй, в то время, как глобализированный, космополитический мир существовал всегда. Исходя из данной гипотезы, проблема взаимоотношения национальной культуры и глобализации во многом является надуманной.

Однако если феномен национальной культуры сложился достаточно поздно, это отнюдь не мешает ему функционировать во всех сферах человеческой деятельности. Имперские амбиции XIX века вполне уравниваются национально-освободительными движениями. Даже если признать искусственное введение элемента, на данный момент для конструкта феномен национальной культуры слишком функционален, даже физиологичен. Национальная культура как знаково-символическая система в известной мере перерождение патриархального, традиционного общества, является прямым противовесом глобализации и заслуживает своего места на исторической арене.

В современной эпохе эквивалентом экономического полицентризма является мультикультурализм, т.е. комбинация разных культур и углубление интернациональных, сверхнациональных связей.

Другие исследователи уделили внимание странам традиционной культуры, в первую очередь Японии. Японцы превратили элементы своей нацио-

нальной культуры в часть глобальной культуры. В 1999 г. премьер-министром Обути Сэйдзи был обнародован текст программного документа развития страны на ближайшие десять лет под названием «Желаемое экономическое общество и политический курс, ориентированный на экономическое обновление» („Кэйдзай сякай-но арубэки сугата то кэйдзай синсэй-но сэйсаку хосин“), подготовкой которого занимались специально созданные комитеты, в том числе и комитет по глобализации (Любовь Карелова, Сергей Чугров, 2011, с. 52). Этот документ рассматривает глобализацию как одно из важнейших условий, к которым японская экономика должна успешно приспособиться, чтобы достичь экономического роста и процветания. В качестве программной цели этот документ провозгласил создание „экономического общества“, адекватного глобализации (Genevieve Zubricky, 2013, p.23).

Япония не оказывает прямого противодействия глобализации, а наоборот, выбирает путь приспособления к ней и действует пока как пассивный участник, хотя предпринимаются некоторые шаги к тому, чтобы стать ее активным проводником. Японская интеллектуальная элита намерена искать свой собственный путь вхождения в глобализацию, не копирующий полностью западный, и предлагать собственные сценарии глобализации, основанные на идеях социального государства, гибкости глобальных норм, взаимоприемлемом сопряжении и гармонизации ценностей и смыслов, - и в будущем эти сценарии глобализации смогут оказывать влияние на ее конфигурацию (Любовь Карелова, Сергей Чугров, 2011, с. 50).

Подобный подход к вопросам глобализации несомненно, имеет общие корни с революцией Мейдзи. Став основой сильной, унитарной Японии, революция Мейдзи в то же время была отголоском сацумско-британской войны, наглядно показавшей, что политика изоляционизма обречена. Разумный симбиоз – точка зрения для восточной ментальности вполне закономерная, для западной – спорная, если не закрытая.

Сравнительно меньшее препятствие глобализации оказывают представители китайской культуры. Они пытаются возродить функции Великой Китайской стены в соответствии с современными условиями. Даже малейшие изменения в китайской культуре воспринимаются трагически. Такие же тенденции имеют место в Индии и Китае (Любовь Карелова, Сергей Чугров, 2011, с. 49).

Популярный культуролог С. Хантингтон требует от США проявить больше осторожности в культурных отношениях с остальным миром. От Запада он требует глубокого понимания фундаментальных религиозных и философских основ других цивилизаций, понимания того, как люди этих цивилизаций представляют себе собственные интересы (Самюэль Хантингтон, 2011, с.97). Запад в незначительной мере, или совсем не учитывает приоритетов и интересов национальных государств, что, по мнению Хантингтона, может повлечь за собой противостояние различных культур – войну цивилизаций.

Французский подход склоняется к позициям американизма – процесс глобализации вызывает стандартизацию идей и образа жизни по американской модели. Франция обеспокоена влиянием зарубежной культуры на искусство и

культуру Франции. Аудиовизуальная индустрия, кинокультура, масскультура – интервенция США должна быть встречена мерами, адекватными угрозе (Эрмиле Месхиа, 2011). Она должна противостоять этому, при содействии соответствующих органов современности. По его мнению, хорошо организованная экономическая деятельность страны должна служить культурному творчеству и должна давать ему новые возможности для развития и процветания.

Франция отказывается от глобализации, воспринимая ее как американизацию. Как средство борьбы используется медийный подход. Франция обратилась к собственной культуре и начала ее широкомасштабный пиар с целью сохранить свою самобытную и своеобразную культуру (Эрмиле Месхиа, 2011).

Итак, если мы подходим с позиций американизма, то мы должны признать главным экономическим базис главным, и говорить уже о глобализации как о форме опосредованной ассимиляции. Если колониальная система сменилась более гибкой системой распределения рынков, почему бы ассимиляторской политике не изменить свое лицо.

Второй подход требует от традиционной культуры медийности, которая ей не свойственна.

Третий возможный подход – это понимание традиционной культуры как формы без содержания. Оборвана связь, характерная для традиционных обществ, опыт прошлых поколений уже не играет былого значения в системе передачи информации. Но стоит заметить, что символическая сущность традиционной культуры не потеряна, ибо символы универсальны. Важность сбережения национальных культур, национальной идентификации для европейского мира синоним эмоциональной стабильности, возможность избавления от ряда кризисов. Череда последовательных кризисов, в том числе кризиса начала XX века, это симптом, свидетельствующий о крахе греко-римской системы. А система американская, хоть и является дитяем Нового света, обращается к истокам, к античности, ее грехам и преимуществам – открытости, динамичности, эмоциональной неустойчивости.

Возвращаясь к истокам, мы должны вспомнить основу древневосточных культур – притчевость, созерцательность, мифологизм.

Таким образом, насколько бы не были радикальны существующие точки зрения на феномен национальной культуры, его искусственную, либо же естественную природу, сегодня это уже сформированный продукт истории, объективная реальность. Задача национальной системы образования – это поиск способов и форм перевести атрибутику в символику, ценностный ориентир с широкой сферой циркуляции. При этом колоссальное значение обретает баланс между медийностью и пониманием национальной культуры как эксклюзивного, а значит элитарного продукта. Главная функция национальной культуры – собирательная функция, чувство принадлежности, не сведенное до чувства стадного инстинкта, должно и может послужить основой на этом пути.

Литература

- Месхиа Эрмиле. (2011). Глобализация и проблемы национальной культуры, Global international scientific project, dostupno na: gisap.eu/ru/node/743
- Хантингтон Самюэль. (2011). Столкновение цивилизаций. Москва. АСТ.
- Карелова Любовь, Чугров Сергей. (2010). Глобализация: японские интерпретации социокультурных процессов.
- Хобсбаум Эрик. (2005). Язык, культура и национальная идентичность. Москва. Логос.
- Гусейнов Абдусалам. (2010). Россия в диалоге культур: национальная культура в эпоху глобализации. Москва. Наука.
- Genevieve Zubricky. (2013). National culture, national identity. University of Michigan.
- Hechter M. (1975). Internal Colonialism: The Celtic Fringe in the British Development. London: Routhledge & Kegan Paul.

Olga Kotsiubanskaya

SELF-IDENTIFICATION OF CULTURE IN THE NATIONAL EDUCATION SYSTEM (IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP OF GLOBALIZATION AND MASS CULTURE)

Summary: The concept of globalization in philosophy and social sciences at the turn of the nineteenth and twentieth centuries was regarded as hybridization, heterogenization, transculturalism, that is, mutual enrichment of different cultures. Later prevail version of imposing Western models of culture, or else of Americanization. If we combine these versions, you can talk about the incarnation of ideas of multiculturalism in the ersatz culture of mass consumption. In this case, all the more noticeable trends blurring of national culture, replacing it with a second-class commercial product. Response to globalization has been open resistance in the form of fundamentalism, revival of orthodox beliefs, the non- achievement of civilization. Based on the above, the main idea of national education – it's a search for a balance between the demands of the times and the national memory, the conversion products of mass culture, overcoming its secondary.